

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163581-597>

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
д.и.н., профессор, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
elmira.dalgat@yandex.ru

Абдулаева Мадина Изамутдинова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mady.62@mail.ru

Аяган Буркутбай Гелманович,
д.и.н., директор
Институт истории государства Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан
b.ayagan@mail.ru

ВЛАСТЬ И ДАГЕСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются малоисследованные проблемы взаимоотношений и взаимодействия региональной власти и дагестанского социума на фоне событий Первой мировой войны, внесшей свои суровые коррективы в повседневную жизнь региона.

Актуальность темы очевидна в свете современных реалий, когда кризис власти и общества в ряде стран привел к так называемым «цветным революциям». Исторический опыт социальных катаклизмов даёт возможность моделировать и прогнозировать будущее. Междисциплинарный подход в исследовании социального, политического, экономического аспектов мировоззрения различных слоев населения, их психологическое восприятие войны и отношение к власти позволил показать реальную историческую действительность. Отказ от идеологии, которая рассматривала Первую мировую войну исключительно как предтечу революции, привлечение межуарной литературы, работ зарубежных исследователей, выявление и показ личностного фактора сделали основной акцент исследования в пользу социальной антропологии.

Повседневная жизнь населения Дагестанской области, как одной из окраин царской России, в годы Первой мировой войны несла в себе общеимперские черты, но в то же время имела и свою специфику. Законы военного времени накладывали отпечаток на повседневную жизнь населения всей России. Однако, как показывает имеющийся материал, кризисные явления, охватившие прифронтовую территорию, в Дагестанской области проявились только к 1916 г. Анализ соотношения характерных аспектов региональной и общероссийской текущей ситуации позволил выявить и другие отличительные особенности повседневной жизни дагестанского общества. К концу 1916 г. экономический и политический кризис коснулся и Дагестанской области, вызвав у населения разочарование и недоверие к власти.

Авторы прослеживают изменения в отношениях власти и общества, показывают успехи и, в особенности, промахи региональной и центральной власти в исследуемый период, приведшие к негативным последствиям.

Ключевые слова: власть; общество; Дагестанская область; Первая мировая война; повседневная жизнь.

© Далгат Э.М., Абдулаева М.И., Аяган Б.Г., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163581-597>

Elmira M. Dalgat,
D.Sc. (History), Prof., Head of Dept. of Modern and Recent History of Dagestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

Madina I. Abdulaeva,
Ph.D. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mady.62@mail.ru

Burkutbai G. Ayagan,
D.Sc. (History), Director
Institute of State History of Scientific Committee
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan
b.ayagan@mail.ru

GOVERNMENT AND THE DAGESTAN SOCIETY IN THE PERIOD OF THE WORLD WAR I: DAILY EXPERIENCE

Abstract. The article examines poorly studied issues of relations and interactions between the regional authorities and the Dagestan society during the events of the World War I, which impacted greatly the everyday lives of the inhabitants of the region.

The relevance of the topic is quite evident in the light of modern events, when the crisis of power and society in a number of countries led to the so-called “color revolutions”. The historical lessons of social cataclysms give us an opportunity to model and anticipate certain events. Interdisciplinary approach to studying social, political, economic aspects of world-view of various strata of the population and their psychological perception of war and relations with authorities allow us to show the historical reality. The rejection of the ideology, which considered the First World War exclusively as a forerunner of the revolution, the introduction of memoirs, works of foreign researchers, the identification and display of the personal factor put more emphasis in favor of social anthropology.

During the war, the daily life of the Dagestan region, as one of the remote areas of the Czarist Russia, bore common imperial features, while at the same time had its own peculiarities. However, as factual material reveals, the events, which affected the front-line territories, took place in Dagestan only in 1916. The analysis of the ratio of the characteristic aspects of the regional and all-Russian current situation has made it possible to identify other distinctive characteristics of the daily life of the Dagestan society. By the end of 1916, the economic and political crisis also came to the Dagestan region, causing people’s frustration and distrust towards the authorities.

The authors trace the changes in relations between the power and the people, reveal achievements and, in particular, mistakes of the regional and central government in the given period, which led to adverse consequences.

Keywords: authority; society; Dagestan region; World War I; everyday life.

Наметившийся в последнее время интерес исследователей, политиков, психологов, аналитиков и журналистов к истории Первой мировой войны во многом обусловлен реалиями сегодняшнего дня. Глубокий анализ этого глобального события, отдельных его аспектов, бесспорно, актуален и не в последнюю очередь продиктован свойством истории повторяться. И в этом смысле абсолютно правы авторы, утверждающие, что изучение войны становится «своеобразным методом познания политических трендов развития современного мира» [1, с. 15].

Слабо, если не сказать фрагментарно, исследован и региональный контент, от полноты которого зависит воссоздание достоверного и целостного исторического полотна в масштабах всей Российской империи.

Появление исследований, посвященных повседневной жизни населения различных регионов России в годы Первой мировой войны позволяет показать реальную жизнь людей в переломную эпоху. Настоящая статья призвана, в некотором роде, восполнить этот пробел, поскольку повседневная жизнь дагестанского общества в годы Первой мировой войны не являлась предметом специального изучения.

Целью исследования является выявление и освещение на основе документального материала повседневного взаимодействия региональной власти и различных слоев дагестанского общества в условиях военного времени.

Структура управления империи, так называемая «вертикаль власти», в горских регионах, а в Дагестане в особенности, имела свою специфику. После окончания Кавказской войны и образования Дагестанской области здесь было установлено военно-народное управление¹.

Реформы, проводимые властью в России в 80-е годы XIX в., коснулись и Кавказа. Должность кавказского наместника, имевшего большие полномочия, была упразднена и введена должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, которому подчинялся и военный губернатор Дагестанской области.

В Дагестане, ставшем частью Российской империи, постепенно происходил процесс интеграции дагестанцев в ее экономическое, политическое и культурное пространство. Это был процесс длительный и не простой. Но, со временем, горцы стали осознавать преимущества, которые давала им жизнь в большом сильном государстве. В Дагестане были построены колесные дороги, стал функционировать морской порт в Петровске, а в 90-е годы XIX в. через территорию области была проведена железная дорога, соединившая центральные губернии России с Баку. Все это оказало большое влияние на социально-экономическое и культурное развитие Дагестана. Товарный характер стали приобретать земледелие и животноводство, появились фабрично-заводские предприятия, формировалась светская интеллигенция. Статус городов получили военные укрепления Петровск и Темир-Хан-Шура. Наряду с древним Дербентом, они постепенно становились торгово-экономическими и культурными центрами Дагестанской области.

¹ Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом // Российский государственный военно-исторический архив Ф. 400. Оп. Азиатская часть. 261/911. Д. 82. Л. 2.

Дагестан стал неотъемлемой частью империи, и дагестанцы стали воспринимать Россию как свою большую родину.

В феврале 1905 г., в связи с обострением социально-политической обстановки на Кавказе, имперские власти решили возродить институт наместничества, упраздненный в 1883 г. На эту должность был назначен приближенный Александра III генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, управлявший краем с 1905 по 1915 гг. Он хорошо знал Кавказ и нравы его жителей. Это был опытный и умный администратор.

Непосредственно наместнику Его Императорского Величества подчинялся военный губернатор Дагестанской области. С 1908 по 1915 гг. эту должность исполнял генерал-лейтенант Сигизмунд Викторович Вольский², а с 1915 года – полковник князь Георгий Тенгизович Дадешкелиани. Последним губернатором Дагестана в 1917 г. стал генерал-майор Владимир Викторович Ермолов.

Аппарат военного губернатора состоял из канцелярии во главе с правителем, двух помощников губернатора, бухгалтерии и др. Председателем Народного суда был действительный статский советник А.С. Кривенко, Дагестанское областное по крестьянским делам Присутствие возглавлял действительный статский советник Усачев, члены Присутствия – статский советник П. Эмиров и полковник А.П. Каффка, секретарь Присутствия – Заикин.

Правителями канцелярии губернатора были поочередно – действительный статский советник Лазарев, полковник А.П. Каффка и капитан Е.В. Бейдеман. Секретарь статистического комитета и одновременно секретарь областного по городским делам Присутствия, а также хранитель кустарного музея – статский советник Ю.А. Роменский.

В структуру управления Дагестанской областью также входили начальники округов со штатом чиновников. Вопросами медицинского обслуживания населения и санитарного состояния занимался областной врач – статский советник П. Янкелевич.

В штате управления был областной инженер – статский советник З. Темирханов. В городах области существовал штат полицмейстеров, городских (низшие чины полиции). При губернаторе состояли чиновники для особых поручений и переводчики.

В систему власти входили депутаты и кадии народного и окружного словесных судов, всадники постоянной милиции, в функции которых входило сопровождение почты, поимка разбойничьих шаек и т.п.

К началу Первой мировой войны все эти люди олицетворяли власть в Дагестанской области. Военный губернатор осуществлял руководство всеми административными структурами посредством приказов и постановлений. Большая часть их публиковалась на страницах официального печатного органа области – «Дагестанских областных ведомостей». В связи с началом войны здесь были растиражированы царские указы и манифесты, воззвания наместника, приказы губернатора, касающиеся различных сторон жизни населения области.

2 Весной 1915 г. он был назначен на должность Главного начальника Кавказского военного округа.

Взаимодействие власти и общества нашло свое отражение в начавшейся в связи с войной мобилизации. Существовавший в Российской империи мобилизационный план, по мнению некоторых зарубежных исследователей, был «самым сложным, поскольку охватывал огромные территории» [2, с. 81]. Призывникам приходилось добираться до места назначения, преодолевая тысячи километров, но плохо развитой, в сравнении с европейскими странами, железнодорожной сетью. Мусульманское население Северного Кавказа по законам Российской империи не призывалось на действительную военную службу, но принимало участие в военных действиях в составе добровольческих полков. Призывалось христианское и иудейское население, согласно плану ежегодного призыва. Мобилизацией населения занималось Дагестанское областное по воинским делам присутствие, в чьем ведении находились средства перевозки людей, лошадей, различных грузов, а также отпуск средств для семейств нижних чинов и ратников ополчения.

Все органы власти, начиная с низшего звена и заканчивая начальниками округов, были задействованы в мобилизационных мероприятиях. В каждом округе, в соответствии с планом мобилизации, было определено число нижних чинов для отправки на фронт, а также количество подвод, сена, дров и т.д. На специальных пунктах шла сортировка лошадей для нужд фронта, которые поставлялись населением по высочайшему императорскому повелению. Полицейстеры занимались оповещением населения о начавшейся мобилизации, клеили объявления на улицах и площадях, базарах и т.д.

В годы войны на население Дагестанской области, так же как и на всё население Российской империи в целом, распространялось действие судов и законов военного времени. Перечень правонарушений включал в себя: бунт против военной власти и государственная измена, умышленный поджог, приведение в негодность предметов воинского снаряжения, запасов продовольствия и фуража, умышленное повреждение водопроводов, мостов, плотин, дорог, телеграфного, телефонного сообщения, железнодорожного пути и т.д.

Для домовладельцев, арендаторов домов, содержателей гостиниц, постоянных дворов и т.п. были установлены специальные правила учета населения и передачи данных в органы полиции.

Было запрещено устройство каких-либо сборищ, несанкционированных собраний, а также ношение, без особого на то разрешения, оружия, на что чувствительной, порою, бывала реакция кавказцев.

Особое внимание уделялось вопросам регулирования цен на продукты питания. Запрещалось повышение цен на предметы первой необходимости, равно на лекарства и медикаменты. Строгие санкции распространялись на сокрытие предметов продовольствия, фуража, а также материалов для освещения и отопления, на порчу и уничтожение средств передвижения и т.п.³

Под запретом было и спиртное. Фактически с началом Первой мировой войны был введен «сухой» закон. В случае его нарушения предусматривался штраф

³ Объявление о местностях, состоящих на военном положении от 27 августа 1914 г. // Центральный государственный архив Республик Дагестан (далее – ЦГА). Ф. 7 Оп. 1. Д. 106. Л. 4.

до 3 тыс. руб., или заключение в тюрьму. Соответствующий нормативный документ был подписан наместником Кавказа графом Воронцовым-Дашковым⁴.

Таким образом, жизнь населения Дагестанской области, несмотря на отдаленность от линии фронта, регламентировалась законами военного времени. Местные власти строго следили за их исполнением. Вот как видный общественный деятель Дагестана и современник событий А. Далгат описывает ситуацию с ношением оружия горцами в ауле Урахи: «Старшина первый приветствовал кадия и, присев на корточки, стал оглядывать кучки прибывших на базар людей. Острым взглядом щупал он талии крестьян – не спрятано ли у кого под шубой недозволенное оружие – пятизарядный «бульдог» или, чего доброго, длинноствольный «смитвессон» ... Эти новые пистолеты стали появляться в последнее время у рабочих отходников. Они сильно беспокоят старшину, наиб приказал установить за их владельцами особую слежку» [3, с. 29]. Как видно из этого отрывка, у горцев уже появились новые, современные образцы огнестрельного оружия, которое по мнению старшины они просто так не отдадут, поскольку стоят их владельцам «дороже жизни». «Другое дело заткнутые за пояс кремневые пистолеты. Легко, также как и кинжалы срывает их старшина с провинившихся в залог штрафа» [3, с. 29].

Практика обезоруживания горцев, для которых кинжал испокон веков являлся важным атрибутом национального костюма, воспринималась ими крайне негативно. Однако противостоять этим мерам не имело смысла. Военное время необратимо диктовало свои законы.

На рынках Дагестанской области действовали специальные правила торговли. Например, на базаре в селе Дженгутай Темирханшуринского округа существовал особый внутренний распорядок, в соответствии с которым оптовым скупщикам строго запрещалось закупать какие-либо товары ранее 12 ч.⁵

Это была одна из мер по сдерживанию цен на продукты питания. Ежемесячно на страницах «Дагестанских областных ведомостей» публиковался перечень справочных цен на продукты питания в гг. Темир-Хан-Шура, Петровск и Дербент. Он был довольно обширный и включал в себя таксы на хлеб различных сортов, муку, крупы, мясо, масло, сахар, чай, картофель, горох, фасоль, яйца и т.д., также на такие предметы первой необходимости, как спички, мыло, свечи и др.

Цены на продукты питания в указанных трех городах были примерно одинаковыми.

Пределные цены в сфере розничной продажи были установлены также на обувь «механического и ручного производства» и некоторые другие предметы⁶.

В течение 1914 г. власти строго контролировали соблюдение установленных цен, особенно на продукты питания и предметы первой необходимости.

С открытием военных действий на Кавказском фронте, после вступления в войну Турции, Дагестан стал играть роль важного стратегического региона.

4 Там же. Л. 4.

5 Обязательное постановление военного губернатора Дагестанской области № 21580 от 15 октября «О внутреннем распорядке на базаре в сел. Дженгутай Темир-Хан-Шураинского округа» // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.

6 Пределные цены для розничной продажи обуви механического и ручного производства // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 144. Л. 7.

«На возможное ослабление протурецкого влияния на горцев, – как считает А.И. Османов, – была направлена акция, предпринятая на высшем государственном уровне» [4, с. 165]. Речь идет о поездке Николая II на Кавказ. 24 ноября 1914 г. император прибыл в Екатеринодар, куда съехались тысячи казаков для встречи с ним. Император был в кубанской черкеске [5, с. 104].

Из Екатеринодара на следующий день императорский поезд по пути в Тифлис сделал небольшую остановку в Дербенте. Представители местной власти и общественность торжественно встречали Николая II. «От города Дербента преподнесли хлеб-соль и двадцать тысяч рублей на нужды войны, которые Его Величество передал наместнику для раненых и семейств, призванных на войну из Дагестанской области» [6, с. 11]. На обратном пути, после посещения крепости Карс, Николай II 3 декабря 1914 г. вновь сделал остановку в Дербенте. Для встречи царя собрались военный губернатор, духовенство, служащие, почетные лица города, все учебные заведения, многотысячная толпа. Звучала музыка, учащиеся пели «Боже, царя храни!», толпа скандировала «ура» и приветствовала царя, который, не выходя из вагона, у окна раскланивался с народом. Через 10 мин. поезд тронулся. Поравнявшись с домиком Петра I, поезд вновь остановился. Николай II вышел, осмотрел домик и вернулся в вагон. Толпа провожала состав восторженными криками»⁷.

Приезд царя в действующую армию, на Кавказский фронт, несомненно, поднял боевой дух армии. Но и для населения Кавказа это была серьезная акция, которая была призвана «сцементировать» власть и общество. И на первых порах так и происходило. Патриотические настроения с началом войны были повсеместны в империи. Подавляющая часть населения, особенно в центре, верила в справедливый характер войны и ратовала за единение всех слоев общества.

В декабре 1914 г. в Дагестанской области была разыграна благотворительная лотерея. Доход был направлен раненым и больным военнослужащим, а также семьям фронтовиков и пострадавшим от военных действий⁸.

Газета «Дагестанские областные ведомости» в разделе «Областная жизнь» сообщала, что супругой военного губернатора А.В. Вольской учрежден комитет для сбора пожертвований с целью оказания помощи семействам фронтовиков. При этом пособия выдавались после обследования членами комитета жилищных условий и степени нужды каждой семьи⁹.

К концу 1914 г. Дагестанское областное по воинским делам присутствие объявило о том, что в 1915 г. «предложено произвести досрочный призыв новобранцев на действительную военную службу»¹⁰.

Канцелярия военного губернатора перешла на новый режим работы, о чём было извещено население. «Дневные занятия ... начинать с 9 ч. утра и заканчивать в 3 дня, а вечерние с 7 до 9 ч. вечера»¹¹.

7 Сведения о проезде императора Николая II через Дагестан во время возвращения из театра военных действий // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

8 О благотворительной лотерее в пользу раненных и больных воинов // Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 19-20.

9 Дагестанские областные ведомости. 1914. 3 августа. № 31.

10 Объявление дагестанского областного по воинским делам Присутствия о досрочном призыве новобранцев // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

11 Приказы военного губернатора Дагестанской области № 150, п. 1. От 22 декабря 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.

В декабре 1914 г. население Дагестанской области было взбудоражено упорными слухами о переводе местных средних учебных заведений в Ставрополь. В связи с этим губернатору пришлось давать разъяснения. В специальном объявлении говорилось, что обстоятельства военного характера диктуют необходимость освободить помещения, занимаемые этими учебными заведениями. Однако вскоре выяснилось, что они не подходят для решения возникших задач. Поэтому территориальное перемещение учебных заведений не состоялось.

Серьёзное наказание в виде штрафа размером 3000 руб. или заключения в тюрьму до 3-х месяцев грозило распространителям дезинформации.

К концу 1914 г. появилась информация о первых военных жертвах из числа дагестанского населения: убитых и раненых на полях сражений. Военный губернатор через областную газету извещал население о том, что за справками на этот счет необходимо обращаться в управление начальников округов, полицейские и городские управления, куда стекается вся информация из Главного штаба¹².

Пополнение воинского контингента, в частности конных полков, каждый раз осуществлялось за счёт жителей сельских обществ. И если первое время проблем не возникало, то уже в четвертое пополнение в конные полки горцы шли с большой неохотой, в результате чего удалось набрать всего 250 человек, несмотря на активную агитацию всадников-односельчан.

В условиях военного времени заметно изменились публикации в «Дагестанских областных ведомостях». Теперь их информации зачастую отражали веяние войны.

Одна из них – «Темир-Хан-Шура как курорт» подписана доктором «Я.П.». Автор отмечает, что в ряде статей под тем же заголовком, написанных им в 1911 г., изложены некоторые умозаключения, на основании которых «живописный и уютный городок Темир-Хан-Шура мог быть превращен в прекрасный курорт для отдыха и лечения тем многочисленным русским гражданам, которые ежегодно увозят за границу и оставляют там миллионы рублей. Если принять во внимание грабительские поползновения ... содержателей ... немецких и австрийских курортов», а также незнание языка, обычаев и нравов чужой страны и многое другое, то, по мнению доктора Я.П., – «теперь, когда беспощадная война возгорелась между нашей могучей родиной и варварами XX века, – настал как нельзя удобный момент вспомнить мой проект ... и приложить все усилия, чтобы превратить чудесные уголки наших областей Кавказа и Крыма в благоустроенные курорты». В этом случае, заключает автор, – «масса ежегодно вывозимого золота будет оставаться в стране»¹³. Далее рассуждения автора становятся еще более патриотичными и прагматичными. Он вполне логично утверждает, что если сократить расходы на приобретение заграничных изделий, то мы «дадим возможность расцвести и преуспевать нашей отечественной

12 Объявление временного генерал-губернатора Дагестанской области от 10 декабря 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

13 Приказы и объявления военного губернатора Дагестанской области по военному ведомству. Темир-Хан-Шура как курорт // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

промышленности». Будучи совершенно уверенным в триумфе России и в благополучном её будущем, с ее «несметными богатствами сырья и быстроразвивающейся своей промышленностью», доктор Я.П. выражает надежду, что тогда власти обратят внимание на Темир-Хан-Шуру, «которая кроме своего легкого климата и живописного местоположения имеет в своих окрестностях также массу серных источников для ванн»¹⁴.

Сказать определённо, что этот проект, озвученный в разгар войны, заинтересовал губернатора и другие структуры власти Дагестанской области, не представляется возможным. Однако очевидно, что повседневная практика дагестанского общества была насыщена не только повесткой военных будней, но и разнообразными ремарками мирной жизни.

Весной 1915 г. военный губернатор Дагестанской области С.В. Вольский был переведен на должность Главного начальника Кавказского военного округа. Назначение было осуществлено стремительно. Высокопоставленный чиновник, как он сам об этом говорил, даже «был лишен возможности попрощаться с бывшими сослуживцами и поблагодарить их за службу»¹⁵. Поэтому 2 марта 1915 г. он издал приказ, в котором выразил благодарность своим помощникам, всему аппарату канцелярии, всем чиновникам, каждому лично, отмечая их заслуги и вклад в общее дело.

Говоря о начальниках округов, С.В. Вольский подчеркивал, что «проживая вдали от культурных центров, лицом к лицу с народом, лишённые удобств жизни начальники округов принуждены вести крайне однообразную и тяжелую жизнь, на которую не всякий способен»¹⁶.

Глубокую признательность бывший губернатор выразил областному врачу – ст. сов. Янкелевичу «за его неусыпный труд на пользу населения области», учреждение больницы в Гунибе и психиатрического отделения в Темир-Хан-Шуре¹⁷. Сердечную благодарность С.В. Вольский выразил областному инженеру – ст. сов. З. Темирханову «за его выдающийся труд по строительно-дорожному делу области, а также за деятельность по ... постройке обществами водопроводов. Как на выдающиеся труды инженера З. Темирханова укажу на постройку школ, весьма важного для населения железно-бетонного моста через реку Самур и Араканской дороги»¹⁸.

С.В. Вольский не оставил без внимания ветеринарных врачей, инспекторов, фельдшеров, писемоводителей и переводчиков, полицмейстеров, депутатов и кадиев и др.

«Старшины и их помощники в Дагестане, – отмечает губернатор, – служат ради почета, не получая ни копейки жалованья. Большинство из них – почетные старики, имеющие вместе с кадиями большое влияние на население. К чести их следует сказать, что они отлично направляют население и руководят им»¹⁹.

14 Там же. Л. 21.

15 Приказ по Дагестанской области № 44 П. I от 2 марта 1915 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 26. Л. 86.

16 Там же. Л. 40 об.

17 Там же. Л. 40 об.

18 Там же. Л. 40.

19 Там же. Л. 40 об.

За безвозмездную и преданную службу губернатор выразил свою благодарность всем сельским должностным лицам, а также податным инспекторам.

В заключение, бывший губернатор обратился к населению Дагестана, с которым за своё семилетнее управление областью успел основательно познакомиться. Интересна его оценка, данная дагестанцам в следующих словах: «Жители Дагестана, в общем бедны, но религиозны, трудолюбивы и свято сохраняют вкоренившиеся в них понятия о чести. При таких задатках они могут в будущем достигнуть счастливого благосостояния ... к такому благосостоянию ведет только один путь – путь спокойного, мирного и упорного труда»²⁰. С пожеланием сохранить все эти достойные качества и с помощью Аллаха упрочить свое благосостояние, губернатор заканчивает свое обращение к горцам. Полный текст прощального послания С.В. Вольского к своим подчиненным и дагестанскому народу был опубликован в «Дагестанских областных ведомостях» 2 апреля 1915 г.

На наш взгляд, это важный исторический документ, который подводит итоги семилетней работы официального института власти Дагестанской области и лично военного губернатора, немало сделавшего на этом поприще.

1915 г. отмечен судьбоносным событием в жизни дагестанского общества – открытием Темирханшуринской ветки Владикавказской железной дороги, связавшей административный центр края с сетью русских железных дорог. Этого события давно ждали. Как писал Б. Гаджиев: «Первый поезд в столицу Дагестанской области Темир-Хан-Шуру прибыл 6 июля 1915 года. Он состоял из двух небольших классных вагонов, остальные вагоны были товарными. Паровоз был украшен полевыми цветами и зелеными ветками. Встречающие заполнили не только перрон, возвышенности по обе стороны дороги, но и мост через железную дорогу на подходе к городу. Играл военный духовой оркестр. Только поздно вечером, когда уже смеркалось, разошлась публика, остались только служащие» [6, с. 229].

Строительство железной дороги было мощным толчком для развития экономики и культуры Дагестана. Соединив Дагестанскую область с Россией, дорога способствовала быстрому развитию сельского хозяйства, массовому притоку рабочей силы и созданию очагов промышленности [7, с. 18].

После доведения железной дороги до Темир-Хан-Шуры, такое занятие населения, как извозный промысел приходит в упадок [8, с. 137]. Население предпочитает более комфортно ездить поездом. То же самое относится и к перевозке грузов, почты на данном участке.

Война требовала больших расходов. Они постоянно росли. Жизнь населения обременялась новыми налогами, удорожанием продуктов питания и предметов первой необходимости. Меры, предпринимаемые официальными инстанциями Дагестанской области, эффекта, ожидаемого населением, не давали. Обуздать цены на продукты становилось невозможным.

Таксы на основные продукты питания вырабатывались Дагестанским областным продовольственным совещанием на основании постановления министра земледелия. Например, в феврале 1916 г. сахар-песок в Петровске стоил 6

²⁰ Там же. Л. 41 об.

р. 30 коп. за пуд (фунт – 17 коп.), рафинад-головка – 7 р. 80 коп. (20,5), рафинад колотый – 8 р. 05 коп. (21 коп.), рафинад пиленьый – 8 р. 15 коп. (21 коп.)²¹.

6 июля 1916 г. в «Дагестанских областных ведомостях» было опубликовано обращение Г.Т. Дадешкелиани, в котором он в качестве временного генерал-губернатора взывал к «патриотическому чувству лиц, занимающихся производством и поставкой предметов продовольствия»²². Он настойчиво призывал их «довольствоваться достаточно высокими», по его словам, ценами на продукты первой необходимости для населения, которые установила администрация. Однако торговцы, «охваченные преступной жаждой наживы, остались глухи». Губернатор напомнил, что в то время, когда их братья проливают кровь на войне, мирные граждане трудятся в тылу, а «эти жадные акулы, забыв совесть и стыд, путем непомерного взвинчивания цен ... обирают несчастных вдов и сирот, лишившихся своих единственных кормильцев». Поскольку, по мнению чиновника, объективных причин для роста цен не наблюдается, то подорожание является исключительно спекулятивным. очередной раз призывая торговцев довольствоваться «умеренными барышами», губернатор делает предупреждение, что виновные будут наказываться в административном порядке, а именно денежным штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до 3-х месяцев. Кроме того, будут «возбуждаться ходатайства о высылке таких лиц из края, торговые помещения их будут закрываться»²³.

Административным взысканиям, согласно постановлениям губернатора Г.Т. Дадешкелиани в декабре 1915 г. подверглись многие дагестанцы.

Например, темирханшуринский мясоторговец Шамсутдин Асадула-оглы за убой на городской скотобойне двух бычков, забракованных ветеринарным врачом, как истощенных и совершенно негодных к убою на мясо, оштрафован на 50 руб., с заменой тюремным заключением на 2 недели.

За тайную торговлю виноградным вином оштрафован житель Темир-Хан-Шуры С. Шебетов на 50 руб., с заменой тюремным заключением на 2 недели²⁴.

За появление в буфете курорта в г. Петровске в нетрезвом виде, управляющий грязелечебницы Семен Семендеров и кондуктор Владикавказской железной дороги Гази-Ахмед Гаджиев подвергнуты тюремному заключению на 1 неделю каждый²⁵.

Житель Дербента Исах Игала Якубов за неказание должного уважения и почтения Временному генерал-губернатору при проезде его через сел. Карабудахкент был подвергнут тюремному заключению на 1 месяц²⁶.

Как уже отмечалось, цены на продукты питания, несмотря на сдерживающую политику властей, продолжали расти и это видно по увеличению

21 Справочные цены (таксы) на предметы первой необходимости в городах Дагестанской области на февраль 1916 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 136. Л. 12.

22 Объявления от военного губернатора Дагестанской области от 6 июня 1916 г. № 13836 // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

23 Там же. Л. 6.

24 О наложении административных взысканий военным губернатором Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 11.

25 Постановление военного губернатора Дагестанской области о наложении в административном порядке взысканий // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 159. Л. 15.

26 Там же. Л. 14.

административных взысканий в 1916 г. Так, житель сел. Леваши Раджаб Кади Мирза-оглы за недобросовестное и искусственное повышение цен на продаваемые им в своей лавке материалы, был подвергнут аресту при окружной гауптвахте на 1 месяц²⁷. География подобных нарушений охватила весь Дагестан.

Февраль 1916 г. был ознаменован успехами на «турецком», или говоря иначе, на «кавказском» фронте. Русские войска взяли Эрзерум. Как сообщалось в «Дагестанских областных ведомостях», «4-го февраля, по случаю взятия русскими войсками турецкой твердыни – крепости Эрзерума, город с утра расцвел национальными флагами и принял праздничный вид»²⁸. Столичные власти во главе с губернатором, общественность Темир-Хан-Шуры, учащиеся с педагогами собрались в военном соборе, где священник Моралевич отслужил молебен по случаю победы, после чего состоялся торжественный парад местного гарнизона²⁹.

В специальной рубрике в областных ведомостях публиковались Высочайшие приказы о наградах. Один из таковых от 25 декабря 1915 г., опубликованный в очередном номере ведомостей, гласил, что «Государь император соизволил пожаловать орден Св. Анны 3-й степени, числящемуся по армейской пехоте Темир-Хан-Шуринскому полицмейстеру подполковнику Евгению Кононову».

Также был опубликован Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 1 января 1916 г. № 1: «По главному тюремному управлению награждается орденом Св. Анны 3-й степени помощник начальника Петровского исправительного арестантского отделения коллежский асессор Хидиров бек Ягья бек-оглы Агасибек»³⁰.

Население Дагестанской области, различные общественные организации и частные лица оказывали благотворительную помощь, которая шла на нужды армии и семьям-фронтовиков. Известный нефтепромышленник, действительный статский советник Гаджи Зейнал Абидин Тагиев передал 10 тыс. рублей военному губернатору Г.Т. Дадешкелиани³¹.

В своём сопроводительном письме З. Тагиев писал: «Горячо откликнулись дагестанцы на призыв Отечества. Немало подвигов совершила ... Кавказская туземная дивизия. Немало воинов из состава этой дивизии запечатлели кровью, пролитой на полях сражений, свою преданность Государю и России». Далее в письме З.А. Тагиев просит губернатора при распределении средств, в первую очередь, выделить самим воинам, а затем из оставшихся денег семьям, которые нуждаются³².

Дагестанское отделение Кавказского комитета помощи пострадавшим от войны, согласно годовому отчету на 1 января 1915 г. располагало суммой 19573 р. 36 коп.³³.

27 Там же. Д. 149. Л. 7.

28 Дагестанские областные ведомости. 1916. 7 февраля. Приложение № 6.

29 Там же. Приложение № 6.

30 Объявления о высочайших наградах // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.

31 Письмо военному губернатору Дагестанской области полковнику князю Дадешкелиани от действительного статского советника Гаджи Зейнал Абидин Тагиева // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 152. Л. 36.

32 Там же. Л. 36.

33 Отчет Дагестанского отделения Кавказского комитета помощи пострадавшим от войны за 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 120. Л. 30.

В результате пожертвований частных лиц, сельских и городских обществ, служащих, налога на игры, кружечного сбора, различных обществ и лиц на подарки нижним чинам была собрана сумма 34 тыс. 191 р. 33 коп.³⁴

Вся непростая общественно-политическая ситуация, связанная с войной, а также извечные внутренние проблемы широко обсуждались населением на сельских годеканах, учарах в свободное от повседневной работы время. Зажиточное население собиралось отдельно. Колоритную картину таких посиделок в даргинском селе Урахи встречаем у А. Далгат. «Дом Магомед-кадия был своеобразным клубом урахинской верхушки. Часто собираются они сюда, чтобы подвести итоги дня, рассказать и выслушать новости об ученых, о начальстве, о войне и мире, о князьях и уцмиях, о купцах и коммерсантах. Более мелкие темы, серую жизнь крестьян, с их радостями и горем здесь мало затрагивают, а если и говорят о них, то больше, чтобы посмеяться. Здесь же сочиняют и рассказывают разные анекдоты, высмеивают неудобных им людей, читают религиозные предания о пророке Магомед-кадии и его апостолах – асхабах...» [3, с. 28]. Подобные «клубы» бытовали в большинстве селений Дагестанской области.

Горожане также обсуждали важные новости, часть из которых узнавали из газет, другие – из «сарафанного радио». В областной столице – Темир-Хан-Шуре – на Соборной площади в длинном одноэтажном доме с навесом собиралась шурина публика. «Это своеобразный открытый клуб на воздухе городской верхушки, городской учар, созданный здесь по образу сельских. Носит этот шурина название «Брехаловка» [3, с. 106]. По информации А. Далгат, учившегося в реальном училище, «Собирались на “брехаловке”, все городские бездельники: купцы, аристократы, беки, чанки, авантюристы, представители власти имущих с мест, из округов, видные арабисты, чиновники, адвокаты, врачи и так далее. Здесь обсуждались все злободневные вопросы, политические дела, завязывались различные интриги, сделки» [3, с. 106]. Даже простой перечень всех, кто собирался на «брехаловке» позволяет судить о многообразии сословно-профессионального мира столицы.

Главным источником новостей для людей читающих была газета «Дагестанские областные ведомости», где кроме официоза публиковались заметки на самые разнообразные темы. После некоторых, особенно критических материалов, «включался» принцип обратной связи, т.е. реакция чиновников на недостатки в работе своих ведомств, с непременными разъяснениями для населения. Так, в одном из номеров газеты от 24 января 1916 г. была помещена корреспонденция из Маджалиса об отсутствии шоссейной дороги между селением и станцией Мамед-кала. Статья заканчивалась словами: «Будем надеяться, что строки эти не останутся гласом вопиющего в пустыне, и что к исправлению этой злополучной дороги будет приступлено в возможно скором времени»³⁵. На эту заметку дал ответ областной инженер З. Темирханов, доложивший, что часть работ подрядчик выполнил, и засыпан гравий. Загвоздка заключается, по мнению инженера в том, что местное население отказывается принимать

³⁴ Там же. Л. 30.

³⁵ Дагестанские областные ведомости. 1916 г. 24 января.

участие в работах на шоссе и подрядчик вынужден «организовывать артели рабочих и аробщиков из других округов – Казикумухского, Даргинского и Темир-Хан-Шурина, которые работают на плоскости лишь осенью и весной, а летом болеют малярией и ни за какие деньги не остаются на плоскости»³⁶. Именно поэтому полгода пропадает, а организовать артель из горцев трудно и по той причине, что они уходили в отход, в другие губернии, где заработок рабочего был выше. Вот такое разъяснение было дано областным инженером на статью с критикой в адрес строительного ведомства. Подобная практика характеризует работу системы «власть-общество», в данном конкретном случае – положительно. Однако далеко не всегда власть так мобильно реагировала на нужды населения.

«Платиновая» лихорадка охватила в октябре 1916 г. даргинское село Цудахар. Здесь были обнаружены залежи селитры и какого-то блестящего металла белого цвета. Жители решили, что это белое золото (платина). «Кому не известно, – пишет корреспондент «Ведомостей» Э. Шанаев, – какое магическое действие заключает в себе слово «золото». Спокойствие населения потеряно, началась золотая горячка³⁷. ... Толпы мужчин и женщин грузят «драгоценный» материал на ослов и возят домой, надеясь превратиться в одночасье из бедняка в миллионера. Идут бесконечные споры о том, кто хозяин горы. Земельная неразбериха не позволяет это выяснить. Разные общества и частные лица предъявляют свои права на землю. «Трудно сказать что-либо о наличии платины, – заключает автор статьи, – но залежи селитры, несомненно, есть и не в малом количестве. Кажется селитра в настоящее время ценный материал. Может это обстоятельство обратит внимание кого следует и кстати укажет выход из возникшей неопределенности»³⁸.

Вот такой курьезный случай из жизни цудахарцев.

Необходимо учитывать, что жизнь населения Дагестанской области в исследуемый период была во многих сферах регламентирована нормами ислама, имевшего в Дагестане глубокие традиции. Рождение и смерть, брак и развод, имущественные и некоторые другие правовые вопросы решались по шариату. О некоторых новшествах, появившихся в это время в области религиозной жизни, повествует А. Далгат. Он писал: «Широкое распространение получило богослужение на дому у крестьян – мавлиды, сопровождающиеся обильными угощениями духовенства. Количество мутаалимов при соборных мечетях возросло. В мечетях, на базарах, площадях стали устраиваться открытые диспуты на религиозные темы. Заново, на новой основе «махрадж» переучивали Коран, более торжественно обставлялись похороны, для чтения «хутба» – проповеди в пятничный день – подбирались лучшие голоса. Всякое запоздание дождя использовали для организации массовых молений с жертвоприношениями и выходом всего общества в поле» [3, с. 46]. Интересные изменения произошли и по отношению к женщинам, с целью большего вовлечения их в религиозную

³⁶ Там же.

³⁷ О залежах селитры в Цудахаре // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 115. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 26.

жизнь. «В большой мечети впервые занавесили и отвели на нарах специальное место для женщин. Новшество это должно было способствовать усилению влияния религии на женщин. Среди них появились своего рода шейхи, «избранницы», получившие «освящение» какого-либо устаза на руководство товарками при исполнении религиозных обрядов» [3, с. 46].

Вместе с тем, тот же автор говорит и о наличии противоположной тенденции в ауле Урахи, где многие перестают ходить по пятницам в мечеть, есть такие, которые вообще перестали молиться, а некоторые представители духовенства находят себе легкий заработок: одни открывают торговлю мануфактурой, другие перепродают скот, а третьи сдают деньги в рост. Последний факт вызывает удивление, т.к. по нормам ислама ростовщичество считается большим грехом.

Положение населения по мере продолжения войны заметно ухудшается. В 1916 г. был увеличен штат полиции во всех городах области. Особое внимание власти уделяли портовым городам³⁹. Был введен запрет на вывоз продуктов. Нарастает и число беженцев. В начале войны их количество не выходило за рамки внутренних миграций мирного времени. В 1915 г. в российских губерниях было около 750 тыс. вынужденных переселенцев, к 1916 г. маршрутными поездами было эвакуировано на восток свыше 2 млн. чел. Общее количество перемещенных лиц составило в годы Первой мировой войны около 5 млн. чел. [10, с. 136].

Беженцы двигались на юг, в «хлебные» регионы. Часть из них проходила транзитом, некоторые оседали в Дагестане. Имперские власти пытались решать проблемы, связанные с учетом и размещением, а также возможным трудоустройством беженцев. Канцелярия военного губернатора области направляла данные о беженцах Главноуполномоченному по устройству беженцев Кавказского фронта ежемесячно. На 15 января 1917 г. в г. Петровск-Порт было 85 человек беженцев. По национальному составу это были русские, поляки, латыши. В Темир-Хан-Шуре было 7 человек русских и 8 поляков, в Дербенте – 11 русских, 9 поляков, 4 армян⁴⁰.

Некоторое их количество расселилось в Темирханшуринском (4 чел.) и Кайтаго-Табасаранском округах (30 чел.). Часть из них была трудоустроена и получала зарплату⁴¹.

К концу войны отмечается рост криминальных деяний, краж имущества и других правонарушений. Как пишет современный исследователь В.П. Булдаков: «Чем меньше люди понимали логику кризиса империи, тем острее прорывались наружу наиболее архаичные компоненты их сознания» [11, с. 267].

Серьезно дестабилизировало общество возвращение потока солдат с фронтов Первой мировой. Это были дезертиры, разного рода деклассированные элементы, которые вселяли страх. Вот как описывает случайную встречу с ними известный дагестанский художник Халил-бек Мусаясул: «Прохаживаясь временами по поезду, я видел опустившихся солдат, они возвращались с турецкого фронта и наводняли все вокруг.

39 Об усилении штата полиции в портовых городах области // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 145. Л. 133

40 О количестве беженцев, находящихся в Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 88. Л. 8.

41 Там же. Л. 8.

Выглядели они как разбойники и убийцы, кем они вероятно и стали, почувствовав полную свободу» [12, с. 195].

Все это вносило свою лепту в процесс маргинализации общества, который на Кавказе, в отличие от других областей России, заметно сдерживался нормами горского права, ценностями религии, наличием у горцев оружия.

15 января 1917 г. «Дагестанские областные ведомости» сообщали о приезде в Дагестан нового губернатора. К приходу поезда на вокзал собрались начальствующие лица, депутация от городского общественного управления и от мусульманского общества, а также масса публики. «Депутация со словами приветствия преподнесла генералу Ермолову хлеб-соль. Поблагодарив депутатов и приняв хлеб-соль, Его Превосходительство с супругой в автомобиле отъехали к губернаторскому дому»⁴². Править новому губернатору пришлось всего несколько месяцев. Революционные события 1917 г. открывают новую эпоху в истории дагестанского общества.

Взаимоотношения власти и общества в Дагестане в годы Первой мировой войны (так же как и по всей стране в целом) были predeterminedены трагизмом этого глобального конфликта, задачами мобилизации людских и материальных ресурсов, а также ожиданиями исхода этой самой войны. Изначально война воспринималась основной частью населения как нечто отстраненное, происходившее где-то далеко. Однако со временем стали ощущаться такие издержки, как рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости, которые к 1916 г. власть не смогла удерживать. Рост налогов, военные потери, принудительные работы в тылу, а также реквизиции скота, в том числе лошадей – вызывали открытое противостояние власти и общества (как это было в вооруженном восстании в сел. Аксай в 1916 г.) Крестьянство, рабочие, бедный люд к концу войны испытывали разочарование, озлобленность в связи с дальнейшим ухудшением жизни, что генерировало будущие конфликты и привело к негативным последствиям.

Предпринятая попытка реконструкции повседневности в годы войны, на примере отдельно взятого региона, коснулась важного, на наш взгляд, аспекта – взаимодействия власти и общества. Надеемся, что эта проблема откроет широкий горизонт для исследований других сторон повседневной жизни дагестанского общества, оставшихся за рамками данной статьи.

---

⁴² Дагестанские областные ведомости. 1917. 15 января. № 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в войне // Материалы международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории». – М., 2014.
2. Хейстинг М. Мировая война. Катастрофа 1914 г. (пер. с англ.). 3-е изд. – М., 2017.
3. Далгат А. В огне революции. 2-е изд. – Махачкала, 2017.
4. Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. – Махачкала, 2011.
5. Воейков В.Н. С царем и без царя. – М., 2016.
6. Кавказский календарь на 1915 г. – Тифлис, 1914.
7. Гаджиев Б. Темир-Хан-Шура. – Махачкала, 2014.
8. Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владимирской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (конец XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Махачкала, 1998.
9. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. – Махачкала, 2016.
10. Курцев А.И. Беженство // Курцев А.И. Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. – СПб., 1999.
11. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
12. Халил-бек Мусаясул. Страна последних рыцарей. – Махачкала, 1999.

Статья поступила в редакцию 07.04.2020 г.

REFERENCES

1. Russia in the war [Rossiya v voyne] *Proceedings of the international social and scientific forum "The Great War. History lessons" [Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-nauchnogo foruma «Velikaya voyna. Uroki istorii»]*. Moscow, 2014. (In Russ.)
2. Heytsing M. *World War. The catastrophe of 1914 (translated from English) [Mirovaya voyna. Katastrofa 1914 g.]*. 3rd ed. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Dalgat A. *In the fire of the revolution [V ogne revolyutsii]*. 2nd ed. Makhachkala, 2017.
4. Osmanov AI. *The population of Dagestan from ancient times to the end of the twentieth century [Naseleniye Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa 20 veka]*. Makhachkala, 2011. (In Russ.)
5. Voeiykov VN. *With a king and without a king [S tsarem i bez tsarya]*. Moscow, 2016. (In Russ.)
6. *Caucasian calendar for 1915 [Kavkazskiy kalendar' na 1915 g.]*. Tiflis, 1914. (In Russ.)
7. Gadzhiev B. *Temir-Khan-Shura*. Makhachkala, 2014. (In Russ.)
8. Asvarov NA. *The history of the construction of the Dagestan section of the Vladimir railway and its role in the economic and social development of Dagestan (late 19th - early 20th centuries) [Istoriya stroitel'stva Dagestanskogo uchastka Vladimirskoy zheleznoy dorogi i yego rol' v ekonomicheskom i sotsial'nom razvitiy Dagestana (konets XIX – nachalo XX vv.)]*. Dissertation abstract. – Makhachkala, 1998. (In Russ.)
9. Dalgat EM. *City and urban life in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries [Gorod i gorodskaya zhizn' v Dagestane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.]*. Makhachkala, 2016. (In Russ.)
10. Kurtsev AI. *Refuge seeking [Bezhenstvo] Kurtsev A.I. Russia and the First World War: Proceedings of the international scientific colloquium [Kurtsev A.I. Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma]*. Saint Petersburg, 1999. (In Russ.)
11. Buldakov VP. *The Red Distemper. The nature and consequences of revolutionary violence [Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya]*. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Khalil-bek Musayasul. *The land of the last knights [Strana poslednikh rytsarey]*. Makhachkala, 1999. (In Russ.)